

Т. И. Шамякина

УДК 82.09

Кафедра теории литературы, филологический факультет,
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ГЕРОИ КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО – ЧИТАТЕЛИ

Рассматриваются ранние произведения классика русской советской литературы К. Паустовского в плане влияния на его героев произведений классической литературы. Анализ романов увязывается с задачами современной гуманитаризации общества.

Ключевые слова: читатель, чтение, литература, классика, роман, писатель, романтика, герой.

Образец цитирования: Шамякина Т. И. Герои Константина Паустовского – читатели // София. 2018. № 1. С. 94–99.

T. Shamyakina

Department of Theory of Literature, Philological Faculty,
Belarusian State University, Minsk, Belarus

HEROES OF KONSTANTIN PAUSTOVSKY – READERS

The early works of the classic of Russian Soviet literature K. Paustovsky are considered in terms of influencing his heroes of works of classical literature. The analysis of novels is linked with the tasks of modern humanitarization of society.

Keywords: reader, reading, literature, classic, novel, writer, romance, hero.

For citation: Shamyakina, T. (2018). Heroes of Konstantin Paustovsky – readers. *Sophia*, 1, 94–99 (in Russ.).

А в т о р:

Татьяна Ивановна Шамякина – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории литературы филологического факультета БГУ.
ShamiakinaTI@bsu.by

Author:

Tatyana Shamyakina – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theory of Literature of the Philological Faculty, BSU.

В 2017 году исполнилось 125 лет со дня рождения замечательного русского советского писателя Константина Паустовского, одного из самых любимых читателей-ми. В белорусском филологическом сообществе никак не отозвались на юбилейную дату. Хотя и с опозданием, мы восполняем досадный пробел.

К. Паустовский всю жизнь, как никто из советских авторов, был страстно захвачен литературой. В юности он знал тысячи стихотворных строк наизусть и часто их декламировал. В зрелом возрасте писал повести, рассказы, очерки о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Горьком, Чехове, Гюго, Блоке, Андерсене, Мопассане, Пришвине, Шевченко, Гайдаре, Флобере, Багрицком, Диккенсе, Эдгаре По, Диккенсе, Грине, Малышкине. Он создал удивительную книгу о писательском труде – «Золотая роза», гораздо более

глубокую и увлекательную, чем европейски прославленная «Алхимия слова» польского литератора Яна Парандовского.

Имена и строки очень многих писателей живут на страницах практически всех произведений Паустовского. В данной статье рассматриваются первые романы писателя – «Романтики» и «Блистающие облака», где Константин Георгиевич выступает ярким романтиком.

Сам Паустовский никогда не отрицал романтического пафоса своих произведений. Он писал: «... одной из характерных черт моей прозы является ее романтическая настроенность» [1, с. 45], полагая это свойством характера. И действительно, поэтическое отношение к жизни, обусловленное прекрасным ее знанием, отличало Паустовского-прозаика. Причем, как он сам отмечал, «романтическая настроенность не противоречит острому интересу к „грубой“ жизни и любви к ней. Во всех объектах действительности и человеческой деятельности, за редким исключением, заложены зерна романтики» [1, с. 45]. Потому неправомерным выглядит тезис советской исследовательницы творчества писателя Галины Трефиловой о героях раннего Паустовского, которые «с закрытыми глазами идут мимо скучной для них реальности, и ничто не прикрепляет их к эпохе» [2, с. 9]. Ведь сам Паустовский в молодости изведаль самый черный труд, испробовал множество профессий, далеко не романтических, участвовал и в войнах – Первой мировой и Великой Отечественной, в своей жизни «видел множество людей растленных и ничтожных» [3, с. 221]. То же относится к его много пережившим героям, уже даже ранних произведений. Другое дело, что, наполненные «желанием необыкновенного», они не везде и не сразу видят необыкновенное в окружающей их действительности. Сначала они смотрят на жизнь во многом через литературу. Но и это способ овладения ею. *Фактически чтение – подключение памяти индивида к коллективной памяти человечества.* Потому уже на первой странице романа «Романтики» старый музыкант Оскар тоскует о времени Генриха Гейне. Упоминание яркого немецкого романтика задает тон и настроение всему роману.

Главный герой «Романтиков» молодой писатель Максимов – персонаж, несомненно, автобиографический. У Максимова непростые отношения с двумя прекрасными девушками – Наташей и Хатидже, все сцены с которыми происходят в поэтических городах – Москве, Архангельске, Севастополе, Ялте, но также и на фронте. Любимые, друзья, простые люди, встречающиеся на его пути, приучают Максимова вдумчиво воспринимать реальный мир. В то же время уже в первом романе Паустовский утверждает свою заветную мысль, которая пройдет через все его творчество: писателю, созданному для творения, для рождения красоты, необходима несуетливая свобода. Он полагал, что без обретения внутренней свободы невозможно говорить о свободе внешней, отсюда его своеобразное, в принципе неприемлемое, отношение к революции. Тяжело работая физически, в том числе на заводе, Паустовский находил отдых и забвение только в книгах. Он писал в одной из писем будущей жене: «На заводе скверно. Когда я бываю на нем – всегда меня мучит боль, мучит порыв ко всему тонкому, радостному, свободному, и одна строчка стихов какого-нибудь поэта зажигает во мне столько тоски, столько жажды уйти от всего, от царапающейся в этих стенах, в выцветших людях жизни – уйти к тебе, забыть все, создавать высокое, быть радостным и молодым» [3, с. 34].

Однако всю жизнь стремясь уйти от суеты – в книги, в любовь или в природу, Паустовский удивительно сочетал эту жажду одиночества со стремлением познать

реальность во всей ее сложности и противоречивости. Причем первоначальное познание действительности вполне возможно через художественную литературу. Она – не только для забвения, для ухода от кошмаров пошлого быта.

Уже зрелым мастером обучая студентов-литераторов в Литературном институте, Константин Паустовский всегда указывал им на необходимость чтения как важнейшего условия получения знаний, овладения мастерством, выработки собственного стиля, а главное – понимания человека в его самых разных чувственно-мыслительных процессах. Причем он полагал, что «почти у каждого из писателей есть свой вдохновитель, свой добрый гений, обыкновенно тоже писатель. Стоит прочесть хоть бы несколько строк из его книги – и тотчас же захочется писать самому. Как будто бродильный сок брызжет из некоторых книг, опьяняет нас, заражает и заставляет браться за перо» [4, с. 257].

Потому и в книгах самого Паустовского приверженность персонажа к тому или иному автору – как некий знак отличия для человека. В первом романе «Романтики» круг чтения героев – это во многом *их существенная ментальная характеристика*. Иногда их оценки писателей и книг резкие, парадоксальные и даже циничные – в духе революционной эпохи, протестной, все отрицающей: «Русская литература прошлого века, – закричал Сташевский, – верное средство нажать мигрень! Мямлят о том, что можно сказать в двух словах. Дайте мне Достоевского, я сокращу его на три четверти, выкину воду, и он зацветет по-новому. Что вы мне бормочете про Гончарова. Согласен, может быть, все это очень хорошо, но не могу я его читать, не могу. Нет у него терпкости, не кружит он голову...» [5, с. 63].

В то же время для Максимова даже природа неотделима от литературных реминисценций. Он спрашивает у Хатидже: «Вы знаете, когда зодиакальный свет был виден в последний раз?» И сам отвечает: «В ту ночь, когда Данте встретил Беатриче».

В ту пору начинающего писателя волновал, как ни удивительно, свет в его влиянии на творчество. Сам свет у Паустовского – метафора творчества. Он пишет: «Свет ламп и свечей заливал страницы книг наших писателей и поэтов». А далее их перечень – со стремлением найти связь между стилем писателя и его приверженностью к тому или иному источнику света. «Мопассан писал при свете красного абажура, густом, как кровь и страсть, писал в те часы, когда его уже подстерегало безумие. Верлен писал в кафе при жалком свете газовых рожков, на обороте залитых кофе счетов, и из его как будто наивных стихов сочится ядовитый светильный газ. Бодлер знал только черный колпак над лампой. Колпак просвечивал коричневым светом, как желчь. <...> Чехов писал за простым письменным столом, светила лампа с зеленым абажуром, пальцы его холодели от спокойной жалости к людям. <...> Достоевский писал при кухонной лампочке с треснутым стеклом, прикрытым листом обгорелой газеты. Смердные ночи, безденежье, жестокие женщины, загнившая человеческая душа рождали петербургскую истеричную тоску. <...> Пышное солнце на страницах Анатоля Франса...» [5, с. 79] Не случайно именно книги жизнерадостного француза Франса переводит на русский язык влюбленная в Максимова Хатидже. С ней, золотоволосой, солнечной, он всегда встречается на берегу ласкового моря, под слепящим южным солнцем.

Удивительная особенность первого романа К. Паустовского заключается как раз в том, что личность персонажа становится *смысло-и структурообразующей через его пристрастие к тому или иному автору*. Переживая боль и радость любви к Хатидже, Максимов вспоминает строки Пушкина: «Мне грустно и легко; печаль моя светла; //

Печаль моя полна тобой». Обращение к любимому поэту углубляет и одновременно проясняет для самого себя собственное чувство.

С другой стороны, психотип персонажа связывается с тем или иным поэтом. Подавая другу Максимову – Сташевскому – томик Блока, Хатидже замечает: «Мне казалось, что вы должны его любить».

Иным оказывается отношение мещан к литературе – Паустовский уверен, что обыватели загубили многих и многих литераторов. Потому и бросает его герой Максимов в их толпу гневные слова: «Что вы позволили сделать со своими детьми? Пушкин убит. Лермонтов убит. Рылеева вешали, он сорвался. И его повесили снова. Гоголь сжег себя и сошел с ума. Труп Полежаева изгрызли крысы. Гаршин бросился в пролет вонючей петербургской лестницы. Герцен скитался по чужим краям. Достоевский бился в падучей, потому что вы дали ему попробовать каторги. Вы предали их своими назойливыми буднями, пьяными праздниками, холуйством и нытьем» [5, с. 93]. Во всех произведениях Паустовского резко противопоставлены истинные любители литературы и те, кому она служит для развлечения, кто ее лишь потребляет для забавы.

Это потребление принимает иногда крайние, патологические формы, скажем, самоутверждения через писательство. Так, Максимов, будучи журналистом, вынужден был, по заданию редактора, выяснять обоснованность притязаний некоего человека на авторство пьесы «Живой труп» Льва Толстого. Конечно же, якобы черновик претендента оказался недавно переписанной рукописью, скопированной у Толстого. Ложь мелкого честолюбца отвращает Максимова от такого рода публики. Но подобный эпизод тоже прибавил знания жизни и складывался в копилку писательской памяти.

В то же время истинные интеллигенты в романе – углубленные и тонкие читатели книг Николая Лескова и Максимилиана Волошина, Перси Шелли и Анри де Ренье.

Во время империалистической войны, на фронте, лежа на походной койке, Максимов читал бенгальца Рабиндраната Тагора. Имя писателя лишь упомянуто, но это то, что называется *подтекстом*. Тагор оказался необходим потому, что экзотическая Индия, пусть даже со своими проблемами, невообразимо прекрасна на фоне грязи, ран, смерти, ужасов фронтовой европейской действительности. К тому же Тагор мудр и пронзительно духовен. В письме к Екатерине Загорской, прототипу Хатидже, Паустовский объясняет свою увлеченность индийским классиком: «Все, о чем он говорит, так гармонирует с моими порывами и настроениями. Я создаю себя. Неудержимый творческий порыв к высшему утончению, одухотворенности, порыв увидеть свою душу изменчивой и прекрасной ...» [3, с. 17]. Эти слова красноречиво объясняют, чем была книга для Паустовского – не забвением, а уходом в себя и возвышением. Максимов стремился состояться как личность, обрести смысл жизни и не дать окружающему миру себя подмять. Всю жизнь Паустовский считал, что литература в наибольшей степени в этом человеку помогает.

Во втором раннем романе писателя – «Блистающие облака» – по существу все главные герои имеют отношение к литературе: Берг – писатель, Батулин в развитии сюжета становится писателем, их друг капитан Кравченко – переводчик, Глан – журналист, Нелидова – актриса. Занятые поисками ценного дневника брата Нелидовой, герои встречаются с разными людьми, оказываются в непростых жизненных ситуациях, переживают захватывающие приключения. И тоже, как и Максимов, познают жизнь в ее противоречиях, неприглядности, но и в красоте.

Герои часто рассуждают о литературе. Берг рассказывает, как еще в отрочестве был влюблен в героиню Достоевского – Настеньку из «Идиота». Летчик Нелидов увлечен новеллами американского писателя О. Генри и забытым русским поэтом Меем, а в свой дневник вставил замечательный собственный очерк о птицах в литературе – «от иудейских голубей Майкова до голубей поэта Багрицкого...».

Поиск дневника «человека будущего» Нелидова – это поиск героями идеала в жизни, хотя советские критики и попрекали Паустовского за надуманность сюжета. Однако в данном случае условность, излишняя «литературность» сюжета в романтическом произведении оправдана. В литературе существуют разные уровни условности. Здесь она помогает созданию ощущения необозримой глубины бытия. Герои за кажущимся хаосом и беспорядком жизни угадывают более совершенный миропорядок. Они чувствуют в себе силы постигать этот миропорядок, стать его частью. Эта мысль проходит не только через первые произведения Паустовского, но через все его творчество. Капитан Кравченко говорит в конце романа: «Наша страна стремится к величайшей справедливости, в конечном счете, к тому, чтобы жизнь для людей стала сплошным расцветом. Вы понимаете, конечно, расцвет всех его физических и духовных сил, расцвет культуры, вот этой самой поэзии, техники» [5, с. 387]. Лучшие люди в то время мечтали о прогрессе, и ведь в самом деле осуществляли модерн. И им помогала культура, литература. Не случайно сам капитан-технар, никогда не увлекавшийся художественной литературой, пройдя через поиск и приключения, увлекся Есениным и Алексеем Толстым.

Часто, стремясь объяснить свои чувства, герои прибегают к литературным аналогиям. Пережив утрату любимой женщины, Батуринов в разговоре с Нелидовой обращается к одной из баллад Редьярда Киплинга о «звезде, замученной в аду».

Через свой круг чтения раскрывается обаятельнейший Глан, в котором угадывается прототип, друг Константина Паустовского, писатель Рувим Фраерман. Глан, непоседа, неутомимый путешественник, увлекался романтиками – Виктором Гюго, Джеком Лондоном. О себе он говорил: «Мы живем на шаре. Какой, к черту, конечный пункт, когда у шара вообще нет концов. Я всегда двигаюсь вперед. Поняли? Знаете совет Джека Лондона: „Что бы ни случилось, держите на запад“. Что бы ни случилось, я всегда покрываю пространство» [5, с. 329].

Да и остальные герои – беспокойные, ищущие, неистовые в познании жизни. «Главное, что притягивало Нелидову к ним – это неисчерпаемый запас жизненных сил. Они спорили о множестве вещей, ненавидели, любили, дурачились. Около них она ощущала тугую жизнь, застрахованной от старости и апатии вечным их беспокойством, светлыми головами» [5, с. 332].

Они стремились жить так, «будто на земле уже наступила эпоха расцвета».

Будучи сами людьми романтическими глубокими и интересными, герои Паустовского умели во всех проявлениях жизни видеть удивительное, поэтическое и трогательное. Часто их видение тех или иных мест окрашивалось литературными реминисценциями. Венеция ассоциировалась с искрометными пьесами Карло Гольдони и Гоцци. «Представление о Таганроге было связано у Батурина с Чеховым». Друг Берга Обручев, стремясь отгородиться от излишне шумной, веселой курортной Одессы, запоем читал Марселя Пруста, этого богатого отшельника, писавшего в кабинете, обитом пробкой. Для Глана неотделимы Ленинград белых ночей и Гейне. В Тбилиси Берг искал следы Пушкина: судьба Пушкина была, по его словам, особенно приметна здесь, в Тифлисе.

Связывая города и поэтов, герои Паустовского окружали тот или иной локус ореолом поэтичности.

Литературой в огромной степени окрашена для Паустовского вся эпоха, получившая название Серебряного века. Он пишет в «Романтиках»: «Тогда над Москвой стояла густая, как запах духов, певучая экстравагантность стихов Северянина. Трагическое его лицо плыло по Кузнецкому мосту рядом с желтой и тревожной кофтой Маяковского. Читал свои рассказы Бунин. <...> С наигранной и пышной восторженностью шаманил Бальмонт...» [5, с. 102].

Награжденные Божьим даром понимать литературу, герои Паустовского жизнерадостны и потенциально способны становиться лучше. Они счастливые люди. Именно потому так притягательно его творчество, так завораживает читателей. Для его героев нет невозможного, «надо только уметь желать». Не случайно после первых романтических произведений, где герои в поиске, в познании действительности, в 1930-е гг. писатель пишет повести уже и об овладении реальностью, о преображении жизни, преобразовании природы – «Кара Бугаз» и «Колхиду».

«Очень стало жить широко, молодо». И с этим чувством мыслят и действуют многие герои Паустовского. Писатель был наделен редким даром понимания и ощущения счастья – как полноты жизни и высшей человечности.

Писатели-классики целительно воздействуют и на героев, и на психику самого автора, а через него – на атмосферу, дух эпохи. Она умеет распрограммироваться в реальные события и исторические тенденции. Недаром говорилось, что Великую Отечественную войну выиграл учитель литературы. Именно так: герои войны были воспитаны героями литературы. В том числе героями Паустовского, который стал еще до войны необычайно популярным.

В наши дни Паустовский, пожалуй, еще более актуален. Когда общество, родители, учителя, писатели крайне озабочены приучением молодого поколения к чтению, герои-читатели советского автора являют собой показательный пример формирования себя через литературу. Ведь технологии меняются, а вечные вопросы остаются. Антон Павлович Чехов говорил: «Литература не дает ответов, она лишь правильно ставит вопросы». Но это уже много. Литература – пережитый опыт, на который можно и важно опереться. Чтение художественных произведений – фундамент в становлении личности.

Гуманитаризация жизни вообще возрастает. Но чтобы процесс не пошел однобоко, очень важно для общества осознать, что приучение молодого поколения, населения в целом к чтению – это самый верный путь влияния на повышение культурного уровня народа, а значит, на уровень, качество, интенсивность и плодотворность общественного производства и в то же время обеспечение предпосылок благополучной жизни человека и сохранения природы.

Литература

1. Паустовский К. Несколько отрывочных мыслей. Вместо предисловия // К. Г. Паустовский. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1: Романы и повести. Москва, 1981. С. 38–50.

2. Трефилова Г. Творчество Константина Паустовского // К. Г. Паустовский. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1: Романы и повести. Москва, 1981. С. 38–50. С. 5–37.

3. Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9: Письма, 1915–1968. Москва: Худож. лит., 1986. 542 с.

4. Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3: Повести. Москва: Худож. лит., 1982. 687 с.

5. Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1: Романы и повести. Москва: Худож. лит., 1981. 623 с.